

С 100 днём рождения!

Божедомовой Фриде (Лидие) Ивановне (1923)

12 мая 2023 года исполняется 100 лет!

Знакомством с этой умной, тактичной и героической женщиной можно заслуженно гордиться каждому, кто её знает. Фрида Ивановна родилась перед войной в Крыму, вблизи города Евпатория. Потом был арест отца и дедушки, депортация семьи, в Кемеровскую область, затем трудовая армия и работа под землёй на шахтах Кузбасса. Там под землей, её завалило породой, её чудом спасли. Она попала с кислотным ожогом и переломом ноги в больницу, а после выписки, невинная на гауптвахту.

Затем было замужество, переезд с русским мужем на его родину, в Архангельскую область. Оттуда с тремя детьми поехали на целину, на станцию Тайнча Кокчетавской области. Там она работала в школе, была общественным корреспондентом местной газеты, организовала фотокиностудию, встречалась с передовыми людьми, снимала с детьми фильмы о героях живущих рядом, стала победителем в международном фотоконкурсе. Много барьеров было на её пути, но она брала их не устывая, и вот она в Германии встречает свой почётный возраст.

Она одна, самостоятельно живёт в Remchingene. Она до сих пор активна, недавно написала письмо потомкам.

При рождении её называли Фридой, но в войну, девушку унижали, и обижали. Все с издёвкой называли её не Фрида, а Фрица, Фриц! Это было до слёз обидно! Чтобы избавиться от издевательств, она вынуждена была лишиться собственного имени. Ей пришлось самой себе сменить своё имя, она стала всем говорить, что её зовут Лида. А старонемецкое её имя - Фрида, означает - мир!

Мне везёт на знакомство с настоящими людьми, которые достойны общественного внимания. Эти немцы из России прожили жизнь так, что их можно заносить в энциклопедию и награждать государственными наградами. Они это заслужили.

Поэтому в этот радостный день рождения, я хочу от чистого сердца, с восхищением и любовью поздравить эту замечательную немецкую женщину с достижением столь почётного возраста и пожелать ей крепкого здоровья, долгих лет жизни и Божьего благословения всегда и во всём. Спасибо Вам за то, что Вы есть!

С большим уважением и христианской любовью

Райнгольд Шульц.

Германия. Гисен.

21.04.2023.

ПРОШУ СЛОВА

(Рассказ столетней трудармейки)

Родилась я 12 мая 1923 года в Крыму, вблизи города Евпатория. По национальности – немка. Зовут меня – Фрида, по-русски звали Лидия Божедомова. Девичья фамилия Штыкель. Семья наша состояла из пяти человек: Мать, отец и три сестры, из которых я была старшая.

С 28 апреля 1998 года проживаю в Германии. Хотя я теперь проживаю в другом государстве, но это вовсе не значит, что у меня погасли чувства к Вам и ко всему многонациональному народу России, с которым с момента моего рождения и последующие 75 лет я активно общалась, трудилась, радовалась, любила и плакала, советовалась и одновременно многому научилась. Огромное Вам Всем за это спасибо! Всем, кто меня знает и помнит, большой привет!

Судьба четырех поколений

06.12.1761 года родился мой прапрадед Фридрих Кристоф Штыкель в селе Egenhausen, что находится возле Штутгарта. Его жена Елизавета Раушенбергер с 18.10.1885 года рождения. У них было семь детей, шестой ребенок был мой прадед Яков Штыкель с 07.05.1800 г.

26.09.1814 по приглашению немки по происхождению, ставшей великой русской царицей, Екатериной второй, Кристоф Штыкель и другие переселенцы из Германии съехались на сборный пункт в город Ульм.

Потом по реке Дунай, на больших деревянных барках, спустились в Чёрное море. Дальше все шли пешком. Многие не дошли до цели. Жена дедушки, Елизавета, тоже умерла в дороге.

В Бессарабии, куда их распределили, они получили землю и основали немецкую колонию Бородино.

С ним прибыли его дети – взрослый сын Адам, дочь Анна Мария, которая была замужем за Яковым Гессом, а так же несовершеннолетние сыновья Кристоф 16 лет, 14-летний Яков и 12-летний Иоганн Георг.

(Немецкая колония тогда относилась к Бендеровскому уезду, Клястицкого округа. Сейчас это посёлок Бородино, бывшее Село-21 находится в Тарутинском районе, Одесской области в 12 км к северо-востоку от железнодорожной станции Березино, стоящей на дороге Бендеры-Измаил.)

Первые переселенцы построили землянки и перезимовали зиму. Потом развели виноградники, посадили сады и леса, занялись ткацкой и прядильной работой, шелководством и виноделием. Построили дома, усадьбы. Край преобразился и расцвёл.

Мой прадед Яков Фридрихович Штыкель в Бессарабии женился на Каролине Райле, и у них было 6 детей. Третий, был мой дед Штыкель Готфрид Яковлевич.

Через 6 лет, на новом месте, приехавший из Германии прапрадед Фридрих Кристоф Штыкель умер в 1820 году, и его усадьба перешла ко второму сыну, тоже Кристофу Штыкелю 22.09.1802г. который и унаследовал землю своего отца.

По тогдашним законам остальные дети должны были идти на все четыре стороны, чтобы основать своё хозяйство и иметь собственные источники существования.

Младший брат наследника, мой прадед Готфрид Яковлевич Штыкель и его жена Каролина Райле, переселились в соседнее село Матильдендорф, которое тоже относилось к колонии Бородино, и где жило 525 человек.

Потом они переехали в Крым, на свободные земли и поселились в колонии Адамсфельд, что возле Евпатории, второе, татарское название села было Mammut-Bai(e), сейчас это село Фурманово.

В 1930 году жена Готфрида, бабушка Каролина умерла. Осталось 10 детей, младшему всего два года.

Тогда дедушка взял в жены вдову Разину Клее. У неё было семь детей. Так образовалась новая многодетная семья немецких колонистов, 19 человек.

(Книга доктора Карла Штумпна. Doktor Karl Stumpp. Die Auswanderung aus Deutschland nach Russland in den Jahren 1763 bis 1862. Сmp. - 456.

Обо всем этом говорится и в моём 45 минутном документальном видеофильме „Wanderer in zwei Welten“. «SAF-Media Remchingen»).

Кстати родители бывшего президента Германии Хорста Кёлера (01.07.2004 - 31.05.2010) тоже были немцами из Бессарабии.

Мой отец - Штыкель Иоганн Готфридович родился уже в Крыму, в мае 1898 года. Он был третьим ребенком из 17 детей, и чтобы хоть как-то помочь родителям, с детства батрачил у зажиточного хозяина. Ухаживал за лошадьми и проживал вместе с ними в конюшне.

С моей мамой - Клее Еленой Францевной, своей сводной сестрой, он поженился в 1921 году, имея в своем хозяйстве одну лошадь, корову и несколько курочек.

Когда началась коллективизация, местные чиновники потребовали, чтоб они вступили в колхоз и сдали лошадь вместе со сбрудей.

Моя мама родилась 19 октября 1902 году в Крыму. Работала в колхозе, занималась домашним хозяйством, воспитывала троих детей.

Колыбель, в которой я лежала, с самого детства была скрипучей. И в то же время я любила своё детство, любила Крымские степи. Любила щедрое солнце и ласковое Чёрное море.

Я любила свой дом, толстые стены из ракушечника, которые хранили прохладу чистых и скромных комнат. На чердаке было тепло и сухо, всюду был мощный аромат сушеных фруктов и винограда.

Дом украшал цветущий палисадник и фруктовый сад. Мой родной и уютный островок, где происходило познания и осмысления моей жизни, где ласкала и бранила меня моя дорогая мама.

В школе я с гордостью носила октябрятскую звёздочку с портретом маленького кучерявого Володи Ульянова. И это была не простая металлическая, за 15 копеек звёздочка, а яркая, с красной, огненной глазурью, которая стоила чуть дороже.

В четвертом классе меня торжественно приняли в ряды пионерской организации имени Владимира Ильича Ленина! С каким вдохновением мы юные пионеры пели:

- Взвейтесь кострами синие ночи! Мы пионеры! Дети рабочих! Близится эра светлых годов!!!
Клич пионера «Всегда будь готов!»

Мы верили и очень надеялись... Вот-вот, ещё немного, ещё чуть-чуть и наступит новая эра светлых годов...

По окончании 4 класса сельской школы, родители устроили меня в школу - интернат в городе Евпатория. Как и многим моим сверстникам, мне не хватало чернил, тетрадей, одежды и питания. На выходные дни мы школьники возвращались в свою деревню за 12 км. Шли пешком, босиком и с песнями.

Так как церковь в то время уже была закрыта и запрещена, то мы 44 внука, 17 дедушкиных детей с супругами и другие взрослые родственники - по воскресеньям и по праздникам собирались в доме у бабушки и дедушки. Около ста человек была наша немецкая семья. Все верующие.

При хорошей погоде собирались во дворе под открытым небом. Во всех семьях любили музыку и отлично пели. Дедушка много лет в своем округе проводил христианское Богослужение, и каждая его духовная проповедь создавала благодатную почву для мира и любви у всех, но особенно Божьи слова прорастали в наших чистых, детских, доверчивых душах.

Проповедь помогала лучше понимать жизнь, преодолевать голод, трудности и верить в то, что Всевышний, Всемогущий, Он всегда рядом, всегда поможет!

На протяжении всей моей долгой жизни, эта Вера поддерживала меня и в критические моменты не раз спасала.

День пионерии

19 мая 1937 года, день красногалстучной пионерии внёс в нашу семейную жизнь свою трагическую лепту. Мне исполнилось 14 лет.

Родители, смертельно уставшие от нелегкого крестьянского труда, погружались в глубокий сон, а мы детишки уже давно спали и видели во сне оберегающих нас ангелов, о которых мама часто нам рассказывала. Я как раз болела скарлатиной.

Проснулись мы от громкого шума. Протерев глаза, увидели чужих людей в военной форме, проводивших обыск в нашем доме. Везде был страшный хаос, посуда, еда, вещи, письма, книги всё было разбросано на полу.

Отец стоял в окружении вооружённых мужчин. Его сильные руки были закованы в наручники. В глазах у него застыла боль, обида, растерянность, тревога и страдание. Не за себя, а за нас, за четыре невинные души тревожилось его сердце. Затем его вывели на улицу и пинками затолкали в машину "Черный ворон".

Отец успел крикнуть:

-Учитесь хорошо!

Он хотел еще что-то сказать, но охранник захлопнул дверцу.

Мы гордились своим отцом и не понимали происходящего! Отец к тому времени уже был председателем Кудайгульского сельского совета, Евпаторийского района Крымской АССР.

Познав нищету и батрачество, жестокую эксплуатацию человека человеком, он стал человеком до конца преданным делу коммунистической партии, всегда был занят, старался воспитывать людей и своих детей в духе высоких коммунистических, благородных ценностей.

Мечтая о светлом будущем, он иногда даже спорил со своим отцом, нашим дедушкой, человеком опытным, практичным и глубоко верующим.

В высоком чистом, ночном небе мерцали яркие далёкие звезды. И Господь наблюдал сверху за уезжавшим чёрным воронком. Он уже знал о горькой судьбе тысячи безвинных узников.

Нам, детишкам, дяди в военной форме приказали наблюдать, как полыхают языки пламени, в костре уничтожая изъятые во время обыска Библии и христианскую литературу.

Потрескивая и корчась, как живой, каждый загоревшейся страницей, в огне горел „Katechismus“ в котором были написаны основные божьи законы.

Дедушка, отец моего отца, молча стоял с поникшей головой, наблюдая, как тихий ветерок разносил искры и пепел от сгоревшей христианской литературы по бескрайним, крымским степям.

По его впалым щекам обильно текли слезы. Он погладил каждого из нас по головке, громко зарыдал и, покачиваясь, медленно пошёл прочь и растворился в ночной тьме.

Наверное, тогда он уже чувствовал, что следующей жертвой может оказаться он. Возможно, он догадывался об этом, но таил в себе веру в лучшее. Жаль, что об этом мы никогда не узнаем.

На следующий день в школе, классная руководительница подошла к парте, за которой я сидела заплаканная, и во всеуслышание, громко объявила, что я не буду допущена к школьным экзаменам за седьмой класс, в связи с арестом отца, как врага народа.

У меня помутнело в глазах. Я, почти не дыша, долго сидела с поникшей головой, боясь пошевелиться, а в мыслях вертелись слова: -Близится эра светлых годов", но вместо новой эры мне приклеили ужасное клеймо: "Дочь врага народа". И это в 14 лет!

После этого события для меня закрылись все двери: на продолжение учебы в школе, на вступление в комсомол, на завод, на фабрику. За что?

Лишь через много лет, по нашему настойчивому ходатайству, мы получили официальный документ от соответствующих органов, в котором сообщалось, что меру наказания отец отбывал в Усть-Вымлаге, в Коми АССР, в Княжпогостском районе, в местечке Вожаель. Вот этот документ.

Учреждение АН-243. Поселок Вожаель. Коми АССР.

На Ваше письмо, адресованное ИЦ МВД Коми АССР сообщаем, что гражданин Штыкель Иоганн Готфридович, 1898 года рождения был осужден судебной тройкой НКВД Крымская ССР по статье 19-58 часть 10; 58-11 УК РСФСР к 10 годам лишения свободы.

Сведениями о его реабилитации мы не располагаем, по этому вопросу Вам следует обратиться в Областной суд по Крымской области.

Поселок Вожаель существует до настоящего времени, добраться до него можно поездами Москва – Воркута и Котлас - Воркута до станции Весляна. Далее автобусом до Вожаеля.

Дополнительно сообщаем, что место захоронения осужденных, умерших 1937-1945 г.г. не сохранилось, в настоящее время там произведены хозяйственные постройки.

Зав. Архива Учреждения ФН-243. Л.П. Галухина. 24.02.1988.

Украина. Свидетельство про смерть.

Гражданин Штыкель Иоганн Готфридович помер 12.10.1941 года на сорок третьем году жизни.

Причина смерти крупозное воспаление легких.

Место смерти Российская Федерация. Республика Коми. Усть-Вымский район, поселок Вожаель.

Похоронен в могиле № 61 расположенной в 12 квартале, на правом берегу реки Весляна.

Место выдачи справки Сакский Райотдел регистрации актов гражданского состояния автономной Республики Крым. Украина.

Запись за № 2. Справка I-АП № 334366 выдана 19.02.1997 году.

Заведующий отделом Л.Г. Филатов.

Крымский областной суд.

333000 Симферополь. Украинская ССР.

Ул. К. Маркса.17.

24.02.1989.

№ У.99/63г.

Справка

Постановлением Президиума Крымского областного суда от 20 ноября 1963 отменено постановление тройки НКВД Крыма от 20 августа 1937 года в отношении Штыкель Иоганна Готфридовича и дело производством прекращено за отсутствием состава преступления.

ШТЫКЕЛЬ Иоган Готфридович реабилитирован.

По материалам следственного дела до ареста Штыкель И.Г. работал председателем Кудайгульского сельского Совета Евпаторийского района Крымской АССР.

Зам председателя суда П.Г.Катаров.

После четырёх лет каторжных работ, униженный, обессиленный, доведённый до отчаянья, 12 октября 1941 года отец умер в зоне, от крупозного воспаления легких. Было ему тогда 43 года!

Теперь он реабилитирован! Он невиновен! Как это называется?

Он не заслужил, чтоб и после смерти ему не давали покоя, чтоб экскаваторами и бульдозерами перемальвали его кости, чтоб на его могилке стояли хозяйственные постройки!

Позже я разговаривала с бывшим узником тех мест. Он сказал, что такую причину смерти писали всем! Что было на самом деле, уже никто не знает.

Он сообщил, что на 1 июня 1941 года в 11 лагпунктах Усть-Вымлага содержались 26350 заключённых.

С началом войны рабочий день заключенных сразу был увеличен до 12 часов, отменены праздничные, выходные и активированные дни из-за сильных морозов.

Во всех лагерях была запрещена переписка, перестали поступать газеты, замолкли радиорепродукторы, ужесточился режим содержания.

Все заключённые немецкой национальности и подданные иностранных государств были сосредоточены в особых зонах, в том числе большинство - на подкомандировке "Зимка".

Эти лагпункты приступили к выполнению "спецаказа" - выпуску авиадревесины, газогенераторных чурок и лыж.

Я писала и просила живущих в тех местах знакомых сделать фотографии этого лагеря и могилки отца. Они ответили, что, к сожалению, это место им не знакомо. 12 квартал - это не совсем Вожаель, это где-то в стороне. Сейчас Вожаель - умирающий поселок. Там осталось меньше 100 жителей. Школу и клуб закрыли. В 2012 ликвидировали сельсовет. Поэтому контакты найти я уже не сумела.

Не менее роковой оказалось ночь в Крыму на 10 марта 1938 года. Новая волна групповых арестов- священников, коснулась теперь нашего дорогого дедушки, Штыкель Готфрида Яковлевича, который родился 9 августа 1869 года в Матильдендорфе, в Бессарабии.

Всё происходило по тому же сценарию, как при аресте отца. Непрошенные гости, также глубокой ночью ворвались в дом дедушки, надели наручники, провели обыск, изъяли Библии, разожгли костры.

Перед выходом из дома, дедушка просил разрешения у НКВДшников для проведения последней семейной молитвы. Ему ответили: «Ишь, чего захотел? Молиться будешь в другом месте! У стенки!»

Согнувшись от ударов, дедушка вдруг резко поднял голову и сказал:
- Господь зовет меня к себе. Простите меня! Доверьтесь Богу, дети мои!

"Черный ворон" как, всегда набив своё нутро священниками, растворился в ночной тьме. А из тьмы слышались поющие голоса "Святый Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй нас!"

Эти верующие люди хорошо помнили слова Иисуса, который говорил: "Будут поносить вас, и гнать и всячески неправедно злословить за меня". (Матвей 5.11.)

1 октября 1938 года, в крымских горах, указательный палец какого-то карателя из расстрельной команды нажал на курок пистолета, не дав арестованным возможности в последний раз увидеть рассвет нового дня и ощутить тепло утреннего солнца.

Порой мне кажется, что стены в моей квартире растворяются в пороховом дыму, когда я пытаюсь представить себе, какими думами были заняты их головы перед расстрелом.

Что чувствовали они там, стоя под прицелом, в ожидании рокового выстрела. Как шептали их разбитые, опухшие и почерневшие губы последнюю молитву во имя спасение своей души?

-Я дам им жизнь вечную, они не погибнут в век, и никто не похитит их из рук моих! - утешал меня Иисус.

Я уверена, что безвинные жертвы не раскисали перед карателями, ибо они были крепки верой в Бога и святого духа!

Сжимая руки в крепкие кулаки, они, наверное, не поверили, что Родина, для которой они честно трудились, способна на предательство и уничтожение своих преданных детей, верных дочерей и сыновей, искренне любящих своё отечество.

А ведь они – эти жертвы превратили крымские степи в плодородные земли, снимали богатые урожаи, строили дома, размножали скот, сами были сыты и страну кормили, то есть были простыми, опытными пахарями, сеяльщиками и кормильцами страны Советов.

В благодарность за это ушли в вечность со смертельно раненой душой, оборванные, обиженные, забытые и убитые.

Слезы и неудержимые рыдания душат меня до сих пор, оттого что мне неизвестно, где находятся их обросшие дёрном бугорки скромных арестантских могил с зашифрованными номерами, без гробов, без крестов, без имени, без фамилии.

Не было у них ни прощальной панихиды, ни благодарности, ни цветов, ни воспоминания об их заслугах и ратном труде, нигде и никем и по сей день ничего про них не озвучено.

Неизвестно также, что стало с их телами, когда перестали биться их сердца. Оказались ли они вообще под землей или же были брошены диким зверям и коршунам на растерзание.

Их постоянно обвиняли в каком-то придуманном шпионаже и враждебности, и, несмотря на все запреты, наши предки сумели привить нам самые лучшие качества: честность, трудолюбие, порядочность, пунктуальность, преданность и любовь к Родине!

Много лет спустя Нам удалось найти официальное подтверждение в государственном преступлении, в убийстве невинного человека, моего дедушки.

Свидетельство о смерти № 487216.

Гражданин Штыкель Готфрид Яковлевич умер 1 октября 1938 года в возрасте 69 лет, о чём в книге регистрации актов о смерти, от 12.03.1991 года, произведена запись за номером 1/В/6.

Причина смерти: расстрел. Место смерти: нахождение в местах лишения свободы.

Место регистрации отдел ЗАГСа Саксонского райисполкома, Республики Крым.

10 ноября 1992 года. Печать. Подпись.

От 29.04.1997г.

Военный трибунал

Краснознамённого одесского военного округа

270100. Г. Одесса.

Ул. Короленко,19.

№ 76/925.

Дело по обвинению Штыкеля Готфрида Яковлевича, 1869 года рождения, уроженца деревни Матильдендорф бывшей Бессарабии, до ареста 10. 03.1938 года - работавшего в колхозе, пересмотрено военным трибуналом Одесского военного округа 05.05.1959 года.

Постановление тройки НКВД Крымской АССР от 28.08.1938 года в отношении Штыкель. Г.Я. отменено и дело о нём прекращено за отсутствием события преступления.

Штыкель Готфрид Яковлевич реабилитирован посмертно. Справка № 000562.

Председатель военного трибунала одесского военного округа В.К. Иртегов.

Чтобы пощадить наши юные души, взрослые многое от нас скрывали, мало чего рассказывали, отчасти потому, что сами многому не находили объяснения. Многое раскрывалась нами позднее, когда мы уже взрослыми познавали мир.

Бабушка Розина родилась 14 августа 1872 года в Крыму. Наша милая бабушка - Розина была и останется в наших сердцах источником великий материнской любви, покорности, страданий и непревзойденного терпения.

Они с дедушкой родили и воспитали 17 детей, от которых впоследствии были награждены по воле Божьей 44 внуками.

Видно от Бога были даны им силы справиться со всеми трудностями и невзгодами. До шпионажа ли им было?

Работал один дедушка, и он мог без помощи государства всех их прокормить, сегодня такое себе представить невозможно.

Моя бабушка и мама покинули этот мир, находясь в неволе, в рабском положении, в ссылке на вечном спецпоселение, под строгим присмотром коменданта, так и не познав прелести свободной жизни.

Много раз я пыталась забыть всю нашу историю, вытравить её из себя. Много раз горячие слезы текли на исписанные мной страницы. Я много раз утешала и уговаривала сама себя выкорчевать всё из моей памяти. Но такое забыть просто невозможно!

Забыть, как запачканная кровью рука комиссара нажимала на курок пистолета, уничтожая по стране миллионы живых, невинных душ. Нет, такое не забывается!

Как же можно жить без Бога? Убить, потом реабилитировать? Кому от этого легче? Кто покался перед сиротами и вдовами? Кто восстановит честное имя российских немцев?

"Великая скорбь - это школа, в которой мы воспитываемся", - говорит Библия

Верные Господу не умирают,

Верные - в синее небо идут.

Там, в лучезарных обителях рая,

Ждет их награда за доблестный труд.

Путь их земной проходил сквозь страданья,

Но нерушимым с Христом был союз.

Неба лазурь - верным всем воздаянье,

В небе венцы вручит им Иисус.

Их клеветой окружал враг исконный,

Церковь Христа ниспровергнуть стремясь.

На освященье Христова законы,

Взяли над тьмой отступления власть.

Тропа войны

22 июня 1941 года из черной тарелки громкоговорителя мы услышали страшное сообщение о начале войны. Помрачались лица людей, взволновались их души.

Мне исполнилось 18 лет. Горькой полынью отрыгались ещё в душе слова "Враг народа", а тут еще война с немцами.

Вскоре появился человек в военной форме, он достал из портфеля ведомости, чтобы зарегистрировать добровольцев, желающих отправиться на фронт.

Скопление молодых девушек и парней быстро росло, выстраивались огромные очереди, все хотели попасть на фронт!

Мы, девушки из ткацкого цеха текстильной фабрики Евпатории, тоже мечтали примкнуть к этой отважной публике. Тем более что ещё до начала войны мы проходили начальную медицинскую подготовку от Красного Креста и даже сдавали зачёты на разряд ГТО Осоавиахима «Готов к труду и обороне».

Было такое всесоюзное общество содействия обороне авиации и химическому строительству, то был предшественник ДОСААФа.

Кроме того, мы прошли стрелковую подготовку и носили значок «Ворошиловский стрелок», то есть прошли полный комплект военной подготовки.

Услышав наши немецкие фамилии, представитель военкомата вежливо отстранил нас от своего стола и велел вернуться в свой ткацкий цех.

Земля закачалась у нас под ногами, вдруг стало больно, страшно и очень обидно. Нам не доверяют.

Исполнилось: отец и дедушка безвинно пострадавшие, теперь и я жертва обстоятельств...

К горлу подкатил удушающий комок невыносимой обиды, казалось, вот-вот ручьём хлынут слезы. В душе оставалась выжженная пустота, душила несправедливость, досада и отчаянье. Это было начало беспрецедентной, бесчеловечной трагедии советских немцев в СССР.

В 14 лет меня причислили к врагам народа, повзрослев до 18 лет, я снова не имею никакого доверия. С этого момента для меня начался новый отчет времени - жизни человека второго сорта.

Как жить дальше? Что с нами будет завтра?

В ожидании приближения эры светлых годов пришла депортация

Пресловутый указ о депортации поволжских немцев от 28 августа 1941 года, был далеко не первым и, к сожалению, не последним кремлёвским документом, обрекавший наш народ на унижение, изгнание, неволю, лишения, смерть.

Указ о выселение советских немцев из Крыма стал незаслуженным оскорблением нашего человеческого достоинства.

Немцы Крыма оказались первыми среди других народов, населяющих чудесный полуостров, которые подверглись депортации.

Наше принудительное выселение, которое я очень хорошо помню, началось 15 августа 1941 года.

Всем нам объявили, что эвакуация ненадолго, на полтора-два месяца, затем обещали, что всех нас вернут домой. С собой разрешили взять только ручную кладь. Таким образом, у нас не было ничего, кроме Божьих обетований и того, что было на нас надето.

Односельчане все вместе отправились пешком на железнодорожный вокзал станции Евпатория. Лишь дети, старики и больные ехали на подводе.

В последний раз немецкие колонисты любовались богатыми хлебными полями, наполненными золотым зерном. Тяжело наливались фруктами сады, виноградники обещали большие урожаи.

Екатерина 2 пригласила немцев для того, чтобы они умножили славу и благополучие России.

И они умножили её больше, чем кто другой.

Эти сады и виноградники результат титанического труда и огромная заслуга наших предков, которых в «благодарность» за это с презрением уничтожили. И сама императрица теперь в немилости.

Рёв скота, истощный лай собак, плач женщин и детей раздирали наши души. Эта картина расставания, единственное, что мы могли взять с собой и сохранить в наших сердцах.

Во время посадки в товарные вагоны, у кого-то вслух вырвалось сомнение, что никогда больше мы не увидим эти места!

Началась паника. Охрана кричала, дети плакали, старики и больные стонали. Трудно было себе представить, чтожитое за сотни лет нашими неутомимыми предками, лопнуло как мыльный пузырь, в одно мгновение.

Нас, как баранов, загнали в вагоны и чьи-то сильные руки с наружной стороны задвинули тяжёлую дверь и защёлкнули щеколду. Мы оказались в огромной мышеловке.

Раздался долгий прощальный гудок паровоза. Нехотя скрипнули колеса вагонов, и наш похоронный, воющий состав медленно куда-то потащили.

Морские волны тихо перебирали гальку, как бы навсегда прощались с нами. Ласковое, южное, солнце потрясённое увиденным, спряталось от стыда за высокие горы. Тяжко на душе, ох как тяжело!

Невозможно поверить в то, что можно быть без вины виноватыми, что в одночасье целые народы могут лишиться доброго имени, свободы, крова, родины и даже жизни.

Постукивая на стыках рельсов, колеса отсчитывали километры пройденного пути, и вот где-то через неделю, издавая слабые толчки, поезд стал притормаживать и остановился на станции Орджоникидзе - Кавказ. Здесь мы пригодились для уборки винограда и зерновых культур.

Спустя месяц, нас снова под конвоем, по этапу отправили дальше. Теперь мы все вместе поехали в Сибирь. В нашем вагоне ехали немцы из Поволжья. Их тоже выселили с давно обжитых мест. Впереди – горькая, пугающая неизвестность. Никто нас не информировал, куда повезут, сколько времени будем в пути? Что нас ждёт впереди?

Каждый думал о своем, некоторые тихо и обречённо плакали. Начались холода, а у людей нет теплой одежды. Про валенки в Крыму мы даже не слышали. Только сильные выдержали дорогу, многие заболели. Вместе с нами ехала семья, где было семеро детей. Одна девочка умерла от голода, другая замерзла. Доехали не все, многих похоронили в пути. Ровно месяц трудились колеса - нашего скотского вагона. Отмотав тысячи километров, паровоз притащил нас на станцию Мариинск, Кемеровской области.

Было это 22 ноября. Везде был снег, непривычный холод. Мы замotalись в тряпьё, в одеяла, стали высаживаться. Нас уже ждали с лошадьми, с санями. На незнакомой станции, нас как рабов, отбирали представители колхозов. Взрослых и молодых брали с охотой, а кто с маленькими детьми, отказывались брать.

Мы с мамой с трудом настояли, чтоб не разорвали нашу семью, и наша тётя осталась с нами. Нас увозили на санях по лесным заснеженным дорогам, в глухую сибирскую тайгу.

Местному населению нас представили, что мы пленные фрицы. При первом общении с нами люди были удивлены тому, что мы разговариваем на русском языке. Убедившись, что мы ничем от них не отличаемся и вовсе не пленные немцы, они резко изменили к нам отношение. Они стали жалеть нас и помогать, кто, чем мог.

Русский народ сам жил в страхе, в ожидании похоронки, а их приходило предостаточно. И, несмотря на это, они приносили под фуфайкой в чашечках что-нибудь поесть. Особенно угощали детей и больных, стариков со старухами.

Работать нам предстояло на лесоповале: Надо было валить огромные деревья, обрубать сучки и ветки, оттащить поваленные деревья, распиливать их на брёвна и отвозить на лесобиржу.

Часто происходили несчастные случаи. Сколько не захороненных жертв остались лежать в заснеженных лесах, никто не знает.

Председатель нашего колхоза Федюшкин оказался добрым человеком, помогал спецпереселенцам как мог. Только успели приспособиться к новой жизни, как грянул новый приказ.

Призыв в трудовую армию

8 декабря 1942 года, согласно полученной повестки, я и моя младшая сестра Амалия 1925 года рождения в назначенное время явились в Верх-Чебулинский военкомат, где нас собралось довольно много молодёжи.

Сотрудник этого заведения уточнил: Имя, фамилия, год рождения и без какого-либо медицинского обследования определял – годен!

Он показывал пальцем, где следовало расписаться в анкете, после этого вся собранная молодежь - стала называться трудоармейцами.

Судьба трудоармейца

Нас опять распахали по вагонам, и поезд снова помчал всех неведомо куда. В щелях вагона можно было видеть, как мелькают мимо луга, болота, леса и деревушки. В вагоне холодно! Хотелось есть. Мы понимали, что надо мужаться, готовиться к новым испытаниям, к проверке на выживаемость.

Библия говорит: "Если вас одолевает страх - вам нужно держаться имени Иисуса, ибо он говорит: „В мире будете иметь скорбь, но мужайтесь. Я победил!"

От тормозных колодок вагона запахло гарью. Поезд неожиданно резко затормозил на станции Анжерская, Кемеровской области.

Кузбасс встретил нас морозом. Всех построили, по 40 человек каждая колонна, и привели в так называемый соц. городок, в котором было множество покосившихся бараков, куда нас и заселили.

Бараки были рубленые, крыши драночные, воду брали из ручья. Снаружи было проволочное ограждение, по углам вышки, освещение бараков - керосиновые лампы. Внутри было одно большое помещение, двухъярусные нары, без постельных принадлежностей.

Местная власть была не готова принять многочисленную советскую трудовую армию.

Вскоре из черной тарелки громкоговорителя, раздалось объявление: «Завтра, в семь часов утра, во дворе зоны, всем построиться в одну колонну и в сопровождении охраны вас поведут на Анжерскую шахту 9/15, где вы будете работать. Прошу соблюдать дисциплину. Во время марша не отвлекаться, не оглядываться, не разговаривать, не отставать. Шаг влево, шаг вправо, считается побегом, охрана стреляет без предупреждения.

Вот и приблизилась эра светлых годов... Эра трудоармейцев, тяжёлая, беспросветная, скотская, лагерная жизнь с сочным матом, с постоянной руганью, с вечным окриком, с вечным чувством вины и неволи.

Работали без выходных, по двенадцать часов в дневной и в ночной смене, да на дорогу туда и обратно, четыре часа пешим ходом, в общем строю. Теперь мы шахтёры. А это тяжёлый и опасный труд.

Перед спуском в шахту висел плакат: "Всё для фронта, все для Победы!"

Рядом всегда висела свежая газета.

Во время войны уголь не просто топливо, это танки, это самолеты, это оружие, это снаряды. Газета, Правда, 11 декабря 1942 года.

Читая эти слова, мы мысленно клялись родине и старались перевыполнять заданную норму.

Но за спиной висел другой плакат: "Убей немца!" Кажется, можно было бы озлобиться, возненавидеть всё вокруг. А мы, молодые трудоармейцы, двинулись в забой с патриотической песней:

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход.
Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин,
И первый маршал в бой нас поведет.

Мы верили вождю, верили советскому правительству, старались отдать все свои силы, чтоб как можно быстрее приблизить конец войны, вернуться домой, ощутить мир и обрести свободу.

Каждый раз, спускаясь в шахту, мы невольно ловили себя на мысли, поднимемся ли еще раз на поверхность, увидим ли голубое небо?

Смерть всегда была готова поглотить наши жизни, не зирая на возраст и национальность. Не было дня, чтобы это проклятое подземелье в вечном мраке не выбрало бы себе очередную жертву.

Работая в забоях, глотая чёрную пыль, мы не успевали понять, что вокруг происходит. Вот и мой огонёк погас в шахтёрском фонарике, когда я в одно мгновение оказалась под завалом, который сшиб меня с ног и похоронил живьём, накрыв с головой. Хорошо, что не углём завалило, а породой, иначе бы задохнулась, как это не раз со многими случалось на нашей шахте. Хуже всего оказалось то, что лавиной сорвало крышку аккумулятора с шахтёрского фонаря, и соляная кислота обожгла тело, особенно сильно досталось спине и поломанной левой ноге.

Очнулась в больнице. Вот тут только я по-настоящему поняла, чем пахнет уголь. После этого я научилась совершенно по-другому ценить, уважать и беречь жизнь.

Через шесть месяцев меня выписали из больницы, не совсем окрепшей. Ещё не зажили раны, полученные под землёй. Я хромала и передвигалась, опираясь на палку.

Но это никого не трогало. Фронту нужен уголь! А не будет меня, государство не обеднеет. В колонну я приковыляла с небольшим опозданием, и строгий комендант зоны грозно приказал: за опоздание три круга вокруг бараков – бегом!

Конечно, я была не в силах и не смогла выполнить приказ. Тогда он приказал охраннику посадить меня в карцер.

-Уведи её в одиночку, на трое суток! Хлеба 200 грамм и стакан воды. На работу не выводить! - приказал он конвойному.

Думаю, редкий трудоармеец не побывал в этом страшном, штрафном, дисциплинарном "заведении". Особенно страдали четырнадцати - пятнадцатилетние трудармейцы, в числе которых была моя младшая сестра Ольга - 1928 года рождения.

Никто, никогда не узнает, сколько детских душ в страшных, длительных муках было погублено в этих карцерах. Никто никогда об этом не расскажет, не напишет книгу и не снимут кино.

В карцере полная изоляция от внешнего мира. Камера одиночная, сырая, холодная, тесная. Но, несмотря на это, похоже, она не пустовала. В камере ничего нет, только стены, пол и потолок. Высоко в стене было маленькое оконце, с мощной железной решеткой. Небо в клеточку. Через это отверстие едва проникал тусклый лучик дневного света. На входной двери "волчок", маленькое отверстие для наблюдения за узником. Здесь всё что угодно могут сотворить с человеком, особенно с немцем – трудармейцем. Никто не придёт ему на помощь.

Я вдруг почувствовала животный страх, такое одиночество, обиду, незащищенность. Ноги сами подогнулись, и я рухнула на цементный пол. Очнувшись от падения, поднялась, встала на колени с единственным спасительным решением – помолиться. Я почувствовала, что страшный холод, сковывает моё тело, мои движения, мои мысли. Ежесекундно увеличивается боль в незаживших ранах.

Чувствую, как холодный пот выступил на лбу. Кажется, я какое-то время была невменяемая. Хотелось взорваться, кричать, бить, ломать все вокруг, и вдруг...

Я заметила охранника приведшего меня в карцер. Оказывается, он задержался у открытой двери камеры, наблюдая за моим эмоциональным состоянием и нервным срывом.

Он с большим сочувствием сказал:

-Вы не расстраивайтесь. Здесь в углу стоит металлическое ведро с крышкой, куда можете справлять нужду.

Вы только вдумайтесь, он молодой человек, солдат, мой ровесник, а мне девятнадцать лет. Не позорно ли это, не стыдно, не ужасно?

-Скоро я принесу вам топчан без постельной принадлежности, и только на 6 часов.

Прислушиваясь к его утешительным словам, я с трудом старалась сосредоточиться. Где же я нахожусь? Что тут делаю? За что всё это?

Случайно обратила внимание на сочувственный тон конвойного, захотелось посмотреть ему в лицо, подняла глаза и удивилась. По его щекам текли слезы. Слезы это не признак слабости, а доказательство того, что у человека есть душа!

Он покраснел, смутился и закрыл дверь. Больше мы с ним никогда не встречались, но я знаю точно - это был замечательный человек, русский парень, советский солдат, выполнявший приказ своего начальника-самодура.

Эти его слезы я запомнила на всю жизнь. Слезы, подарившие мне силы, вернувшие надежду и уверенность в том, что в этом мире есть еще много добрых людей с чистым христианским сердцем, готовые невидимым сочувствием оказать помощь в трудной ситуации.

Он ушел, а я вспомнила мою бабушку Розину, она так много рассказывала нам о чудесных Божьих деяниях. Преодолев растерянность и душевную боль, стоя на коленях, я тихо, очень тихо прошептала:

-Отче наш сущий на небесах! Да святится имя Твое! Да придёт Царствие Твоё, на земле как на небе!

Плача, я просила: Господи, не удаляйся от меня, ибо скорбь моя близка, а я одна, и нет у меня защитника кроме Тебя! Пожалуйста! Защити меня Боже!!!

Вскоре откуда-то извне донесся шум и страшный грохот. За дверью послышались мужские голоса. Стало снова невыносимо жутко. Я пыталась встать с колен, но не осилила. В этот миг открылась дверь, и мужчина в военной форме спросил:

-За что вас посадили в одиночный карцер?

Я рассказала всё как было... Я попыталась встать на ноги, но ничего не получилось.

Офицер посочувствовал моему бессилию. Он протянул свою сильную руку, помог мне встать и велел выйти на улицу.

А я с места не могу сдвинуться, сил нет. Да и с какой целью я должна выйти на улицу, если мне дали трое суток ареста.

А офицер вновь повторяет:

-Ну, что же вы стоите? Выходите на улицу и отправляйтесь в свой барак. Время вашего ареста закончилось!

С трудом сделав первый шаг, ковыляя, я тихо вышла на улицу и недоверчиво оглянулась. Офицера нигде не видно. Так шаг за шагом я добралась до своего барака. Кого мне Бог послал на этот раз? Кто оказался моим благодетелем, я не знала. Но всю жизнь думаю, что это мой добрый конвойный рассказал обо мне тогда старшему по званию офицеру.

Я тогда ничего никому не рассказывала. Зато точно знаю, что вскоре после этого случая, все карцеры, находящиеся на территории нашей зоны были ликвидированы.

Потом я узнала, что строгий комендант, посадивший меня в карцер, тоже был Российским немцем, советским офицером, которого сняли с фронта, направили в трудовую армию и назначили в зоне комендантом. На него было много жалоб, разбиралась комиссия, и он на чердаке сам себя лишил жизни.

Вначале 1943 года на трудовой фронт мобилизовали и мою маму с младшей сестрой. Таким образом, мы четверо - мама и три сестры стали шахтёрами и работали посменно на угольной шахте.

При рождении родители назвали меня Фридой, и при знакомстве я всегда называла своё настоящее имя Фрида! Но в войну, поддерживая ложное правительственное обвинение против советских немцев, каждый жаждал меня, 19 летнюю девушку унижить, оскорбить и обидеть. Все с издёвкой называли меня не Фрида, а Фрица, Фриц! Следом шли матерные пожелания и ехидный смех.

Это было до слёз обидно! Это была открытая дискриминация по национальному признаку. Мне пришлось самой себе сменить своё имя, я стала всем говорить, что меня зовут Лида.

Так я вынуждена была лишиться собственного имени, чтобы избавиться от разных издевательств и домогательств. А имя моё старонемецкое и означает - мир!

Казалось, что под таким всеобщим презрением и унижением можно было опустить руки. Ночью в бараке со всех сторон доносился женский плач: Помогите! Спасите! Что ж это делается? В неволе появился свой рабский кодекс.

Не верь, не бойся, не старайся,
Не проси, не хнычь и не юли,
Не жалуйся, не жди и не надейся.
Хорошее прошло, всё позади.

Но никто не обращал внимания на наши муки, лишь Господь всё слышал и успокаивал:
-Не страшитесь ни в чём. Самоотверженно служите Богу! - эти слова ободряли верующее сердце, помогали с надеждой на Господа продолжить свой нелегкий путь.

Сегодня в прошлое не верится,
Настолько тягостно оно...
Но шли в атаку трудармейцы,
На камень, уголь и бревно.

Губили нас не кубометры,
Надрыв души и сердца стон.
Тоску носили злые ветры,
Тоску и смерть со всех сторон.

Не понимаю, не приемлю -
За что нам жребий пал такой.
Мы уходили молча в землю,
И там не обрета покой.

Хранят все угольные шахты,
И Соликамские леса,
Норильска каторжные вахты,
Погибших немцев голоса.
В. Киллер.

Только юность, жизнелюбие, надежда на счастливую судьбу и вера в высшие силы помогли мне и многим трудармейцам выжить.

В конце 1943 года, режим содержания мобилизованных трудармейцев резко изменился. Были ликвидированы запретные зоны, исчезла ограждающая колючая проволока, снята с постов вооружённая охрана, убрали конвой, не стало коменданта и начальников колон. Трудармейцам разрешили проживать на частных квартирах.

Победа пришла 9 мая 1945 года. Наконец-то настал на земле первый день долгожданного мира.

Мы все испытывали истинную радость и надежду на скорую встречу со своими родными. Наконец-то можно подумать о возвращении в Крым.

Ах, как хотелось домой! Как приятно возвращаться в дом, построенный руками наших предков. Зайти в комнату, где когда-то в детстве просыпалась от пения горластого петуха и брелчания посуды на кухне, где мама готовила на завтрак кукурузную мамалыгу.

Вспомнилась ночь, когда арестовали отца, а потом дедушку. И как мне пришлось отказаться от своего имени. Как и все мои соплеменники, я очень долго ждала, этого мгновения, чтоб увидеть то

место, где в детстве бегала по лужам после проливного дождя, собирала полевые цветы для мамы и бабушки, радовалась солнцу и была счастлива.

Домой! Это было чудесное время, когда мы ребяташки, все 44 внука, старались угодить сидящим за большим обеденным столом. Не пострадал ли наш дом от военных действий?

Но вместо сладких планов появился новый приказ. Советским немцам ввели военную комендатуру. Им не разрешалось вернуться к себе на родину, на родные земли, в обжитые за сотни лет дороги и любимые места.

Они были обречены на вечное поселение в местах, определённых НКВД. Два раза в месяц необходимо было отмечаться у коменданта. Самовольная отлучка дальше пяти километров считалась побегом, за это полагался срок, до 20 лет каторжных работ. И еще было много ограничений, и все они начинались словами: Не положено, нельзя, не имеет права.

Словом, за веру в победу, за героический труд, власть вместо благодарности снова бросила своих немецких граждан в рабские условия.

Этот запрет на возвращение в родные места, явился глубочайшей психологической травмой целого народа.

Жизнь продолжалась. Мы, рискуя жизнью, по-прежнему трудились под землей, по стахановски выдавая нагора повышенные нормы чёрного золота.

Память вечно жива

После окончания войны на нашу шахту прибыли молодые демобилизованные парни - бывшие фронтовики, которые вернулись с фронта. Они по вербовке решили испытать счастье в городе Анжеро - Судженске на угольных шахтах Кузбасса.

После пережитого на фронте, шахта их не испугала, хотя представляла собой ужасное зрелище. В забое сверху капала вода, внизу под ногами хлопала вода, и была такая теснота, что невозможно было даже разогнуться.

В угольных обвалах погибло немало этих с войны вернувшийся смелых и отчаянных парней.

Вроде бы случайно произошла встреча с моим суженым с Клавдием Николаевичем Божедомовым.

Он тоже прибыл на шахту с первой партией участников войны. Мы с ним работали на одном участке и даже в одной смене.

Клавдий Николаевич был свободным и уважаемым человеком, а я по-прежнему оставалась, ограничена в правах и под надзором НКВД. Наши встречи становились более тёплыми и интересными.

Он много рассказывал о войне. Не раз был ранен, контужен и каждый раз из госпиталя вновь попадал на фронт, на передовую. Артиллерист - бог войны!
На шахте в Анжеро-Судженске Божедомов первым освоил угольный комбайн. Он сам наверху разобрал его на части, спустил всё под землю, и там снова собрал комбайн. Собирали тяжело, надорвался, нестерпимо болела спина, так с радикулитом три месяца и проработал. Потом на этом комбайне Божедомов выполнял высокие нормы, выдавая уголёк нагора. За годы работы его много раз, после смены, как героя встречали наверху с цветами. Плохо работать он вообще не мог. Его портрет не сходил с доски почёта. Клавдий Божедомов был ударником коммунистического труда и членом всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов.

Решение о женитьбе пришло к нам с чистыми снегами, сибирскими морозами и февральскими метелями. Сегодня трудно сказать, была ли у нас любовь?

В те суровые годы, когда свирепствовал голод, и как тогда говорили, в животе проходила революция, в кишках играли барабаны. В то тяжёлое время употребить слово люблю, было как-то не принято.

Но мы дорожили чувствами, которые испытывали друг к другу. Мы были вместе. Вдвоём легче было перенести невзгоды, нищету, голод, обиды и несправедливость.

Свадьбу справлять мыслей не было, потому что не было денег. Поэтому мне неведомо чувство, которое испытывает невеста в белом свадебном наряде.

16.02.1946 года состоялась лишь бракосочетание в Загсе. Вместо белых туфель - были резиновые чуни с черными портянками пропитанные мелкой угольной пылью. Вместо белого платья - юбка, сшитая из матрацной ткани. Не было колец, как и не было традиционного шампанского. Жених был в рабочем комбинезоне. Ели вареную картошку в мундире, кильку и кислую, квашеную капусту.

Шахтный комитет выдал нам за перевыполнение сменной нормы в качестве дополнительного пайка 10 граммов сала – шпик и 100 граммов хлеба на человека.

Друзья подарили нам хорошее настроение, пожелали прочного семейного счастья в законном браке и крепкой веры в счастливый завтрашний день. Вот и всё!

Семья наша росла быстро. Родили и воспитали троих детей. Две дочери и сын. Но стоило лишь нашим детишкам появиться на свет, как их тут же поставили на учет и под надзор в военную комендатуру. Потому что я - их мама, немка. Детей с самого рождения лишили свободы и всех прав, как из низшей касты презираемый людей.

Слово немка всегда как-то ранило, унижало, било и подчеркивало, что ты не такая как другие. Перед регистрацией в Загсе я задала вопрос Клавдию Николаевичу:

- Ты воевал с немцами. Ты знаешь, что я немка? Не будешь ли ты за них мне мстить и обижать меня? Есть очень много девушек другой национальности. И потом ты не думаешь, что моя национальность повлияет на твою карьеру и репутацию? Что скажут твои родители?

А он мне тогда ответил:

-Для меня национальность не играет роли. - Затем положил свою руку на мое плечо и говорит: - Господь нас нашел! Господь нас благословил! Господь нас объединит и сохранит! К тому же у меня хорошая фамилия - Боже дома! Божедомов Я!!! И с этого момента ты тоже!

Его слова стали прочным семейным фундаментом на многие годы нашей совместной жизни. Но об этом я ещё напишу. Его светлый ум, чистая совесть и золотые руки несравнимы ни с каким другим мужчиной. Он не был избалован праздной жизнью, курением и алкоголем. Он был примерным семьянином, заботливым отцом и верным мужем.

Безусловно, в нашей супружеской жизни тоже случались достаточно трудные моменты, порой доходившие до повышенных тонов, но он никогда, ни разу, за все совместно прожитые годы, не упрекнул меня за мою национальность, за что я ему безмерно благодарна! Вместе прожили мы с ним 46 лет, столько подарил нам Господь! Вместе чувствовали горечь полыни и запах ароматных роз.

Я буду недостаточно откровенна, если не расскажу подробнее про жизнь Клавдия Николаевича.

Он родился 5 января 1919 года, в Архангельской области, Вилегородском районе, Покровского сельсовета, в деревне Наволок, что недалеко от Коряжмы, которая стоит на левом берегу широкой, северной реки Вычегды. У него была старшая сестра и младший брат. Закончил он четыре класса.

В Красную армию, на действительную службу, был призван Котласким РВК в 1940 году. Служил рядовым составе 516 гаубично-артиллерийского полка, 143 стрелковой дивизии, 8 Армии.

В июне 41-го они стояли в летних лагерях в Курской области, под Рыльском. На учениях он был награжден воинским знаком «Отличный артиллерист».

Уже через несколько часов после объявления войны все полковые батареи стали пополняться новичками. 28 июня в Рыльске они погрузили гаубицы на платформу и двинулись в сторону Брянска.

Бомбежка воинского эшелона началась сразу же, и никакой защиты не было. Люди гибли, как мухи. Но Клавдий Николаевич на этот раз остался жив и невредим.

Его контузило 23 сентября 1941 возле города Рыльска, когда они выходили из окружения. Двое суток без сознания он лежал в поле, присыпанный землёй.

Затем госпиталь, фронт, победа, демобилизация, вербовка и наша шахта. Работая в Кузбассе Божедомов, так же, как и я, очень скучал по дому, и была у него мечта, уехать к себе на Север, поближе к своим родителям, но я была, как якорь, подневольная, под комендатурой. На немцев действовал грозный запрет на переселение куда-либо.

Младший брат Клавдия Николаевича несколько лет хлопотал, чтобы добиться официального разрешения на наш переезд. И добился. Прислал вызов.

В 1954 году мы переехали в поселок Копытово, Сольвычегодского района, Архангельской области. А вокруг голод, карточная система, денег нет.

Я в трехдневный срок должна была зарегистрироваться в комендатуре города Сольвычегодск.

В Сольвычегодске я была поражена странному совпадению. Оказалось, что в 1909 году здесь в ссылке находился Иосиф Виссарионович Джугашвили - Сталин. Один раньше, другой позже, мы оба были там под надзором, и он был подневольным. Теперь он меня сделал подневольной и без вины виноватой. Дом, где он жил сделали музеем. В городе жила бывшая хозяйка этого дома, его гражданская жена Лидия Перепрыгина и его сын Александр. Но, слава Богу, там нас оставили в покое.

Разве можно забыть коменданта спецкомендатуры в Сольвычегодске, товарища Шиловского. Бывший фронтовик, ходил, прихрамывая, с одним костылем. Увидев меня с тремя маленькими детишками, которые пешком прошли 12 км. Разбитые в кровь пальчики на ногах и натертые пятки вызвали у него сочувствие. Увидев это, он каждому подал скамеечку, чтобы сели, потом предложил воды из кувшина. Погладил каждого по головке и дал по конфетке, называемой «подушечки», с фруктовой начинкой. Он сочувственно вздохнул и сказал: Мать больше не приходи с детишками, они и так от тебя никуда не денутся.

Жить было очень трудно, денег не хватало. Я работала на почте. Мне приходилось без всякой охраны доставлять мешки с деньгами в Архангельск. Сколько страхов я тогда натерпелась.

Лишь спустя два года после смерти отца народов, в возрасте 33 лет, я получила свой первый советский паспорт.

В 1956 году наконец-то сняли комендатурский надзор над советскими немцами. Подневольные, ограниченные в правах люди получили разрешение и возможность на свободный переезд в любое место, но только не к себе домой, на свою родину.

Словно окрылённая, душа рвалась на простор, на новые неизведанные места, куда-нибудь туда, где много земли, много простора, много света и тепла. Мы с мужем рванули в Казахстан. На целину!

Хотелось встретиться и объединиться там с моими высланными родственниками, все мы так долго жили на расстоянии друг от друга, без какой-либо связи и очень скучали.

Жизнь на целине это особая страница биографии нашей семьи и всего советского государства. Это была принципиально новая, светлая, оптимистическая жизнь!

Государственные и свои заботы были в радость, и этот оптимизм составлял настоящее, человеческое счастье.

Под теплыми солнечными лучами весенняя степь весело и бурно освобождалась от посеревшего снега, громко капали капли, срываясь с длинных ледяных сосулков, тихо журчала талая вода в канавах и в оврагах. Над пробудившейся землей разливались счастливые трели возвратившихся с юга перелётных птиц.

Оживали и готовились к большим делам целинники, хозяева этой просторной, благодатной земли. В их первых рядах был наш Клавдий Николаевич, чьи знания и усердие потом по достоинству оценили. Я устроилась в школу лаборанткой, он шофером, мы построили дом. Через год родилась дочка, это нас сильно сплотило, но и прибавило трудностей.

Город Красноармейск в Кокчетавской области славился не только залежными землями и молочными фермами, в городе была настоящая кузница молодых кадров, прославленная, ведомственная, средняя школа номер четырнадцать. Она находилась в подчинении не города, а управления казахской железной дороги.

В ней обучалось более тысячи учеников под руководством боевого, слаженного, педагогического коллектива, состоящего из шестидесяти высококлассных преподавателей и личного авторитета – директора школы, фронтовика, Анатолия Петровича Шорохова.

Этот удивительный человек мужественно прошёл от начала всю страшную, Великую Отечественную войну и вернулся домой с множеством ранений.

В этой школе учились наши дети. В этой школе неофициально училась и я. В этой школе произошли большие, светлые перемены в моей личной жизни.

Всё, что я не получила в детстве, было компенсировано с помощью замечательного педколлектива и их директора.

Случилось так, что на моё тридцатилетие муж подарил мне фотоаппарат «Зоркий». До переезда в Казахстан у меня уже были какие-то навыки владения фотоаппаратом. В те шестидесятые годы такое занятие было ещё большой редкостью.

Однажды директор школы пригласил меня в кабинет и предложил организовать фотокружок для старших девятых, десятых и одиннадцатых классов.

Конечно, у меня внутри души что-то ёкнуло. Дома я поговорила с мужем, и он так запросто сказал:

- Хорошее дело тебе предлагают. Давай действуй. И не паникуй!

Девчонки и мальчишки оказались смысленными, находчивыми, любопытными. Мы снимали всё подряд, вели фотолетопись целины. Мы принимали участие во всех фотоконкурсах. Правда, признание мастерства пришло неожиданно на солидном международном фотоконкурсе «Зоркий, дружба, пятьдесят».

Мне тогда сначала подумалось, что без знания, усердия и творческого прорыва у нас ничего не получится. Чтобы чего-то добиться, требуется мужество, огромное терпение и много дополнительных знаний. Этот мой пробел, по моей просьбе, готовы были заполнить школьные педагоги по физике, химии и истории.

Мне нужна была теория, чтобы самой объяснить ученикам, что из себя вообще представляет фотокамера. В этом деле мне очень помогли школьные учителя.

Конечно, наша работа сначала имела всякие пробелы, потому что у меня не было профессионализма, и только упорство и настойчивость помогали мне не сдаваться. Но я очень любила свою работу, а у любви есть один глагол - отдавать! Я отдавала ей всю себя, всё своё свободное время.

На этом направлении в моей жизни происходили очень интересные встречи. В школе появилась кинокамера. Я оказалась в окружении с теми, кто творчески и позитивно мыслит. Они помогли сформировать круг единомышленников, с которыми моя жизнь стала яркой и наполненной интересными знакомствами и событиями.

К директору стали обращаться с просьбой из райкома комсомола, представители из обкома партии города Кокчетавы, газеты и местная власть.

В 1969 году активно шла подготовка к столетию со дня рождения В.И.Ленина. К этой дате школьной киностудии предстояло создать документальный фильм «Дорогами славы отцов».

Затем 28 июня 1969 года в казахстанском городе Лениногорске гостеприимно распахнул свои двери всесоюзный кинофестиваль, посвящённый подготовке к 100-летию Ленина.

Сюда съехались гости из Москвы, Ленинграда, села Шушенское, союзных республик, делегации многих областей Казахстана. И всегда рядом со мной обязательно были ученики из нашей школьной киностудии. Четыре дня напряженной работы с фото- и кинокамерой.

Мы встречались с ветеранами войны, с героями Советского Союза, с героями Социалистического Труда. Снимали интересный рассказ Ивана Петровича Ивина, служившего в Смольном вестовым лично у Владимира Ильича Ленина. Общались с моряками революционного крейсера «Аврора». С героями пограничниками, защищавшими от китайцев остров Даманский.

А для меня эти встречи стали продолжением моего творческого жизненного пути, наполненного новыми преобразованиями. Каждый день приносил новые знания и дарил незабываемые мгновения. Наши фильмы демонстрировали по Целиноградскому телевидению.

Стремление к добру, к совершенству, к созиданию никогда не покидало меня, несмотря на возраст. Это чувство делало меня сильнее, и я хотела выразить его на экране с помощью своей кинокамеры. Я тогда успела много познать в той интересной, активной общественной жизни.

Я влюблялась в наш Советский народ, гордилась своей страной и своим местом в ней! Именно тогда я научилась профессионально владеть кинокамерой. Никто, никогда не обращал внимания, кто к какой принадлежит национальности. Свобода и равенство – замечательное и возвышенное ощущение.

Каждый человек для меня был личностью и объектом любопытства с точки зрения документального кино! Я старалась запечатлеть и увековечить доклады на торжественных выступлениях, поздравления, добрые слова, показать мастерство в спорте, успехи в труде и в личной жизни. Все эти передовые люди помогали мне своим участием и 20 лет украшали мне жизнь.

Прошли страшные потрясения, возмущения и негодования, наступили годы, полные приятных волнений, переживаний, успехов и признания. В то же время хотелось ещё активней жить, страстно любить все вокруг, постоянно лидировать и побеждать! Вот как меня вдохновляли.

Благодарность

Казахстан.

Кокчетавская область.

Красноармейский район.

Железнодорожная станция «Гайнча»

Школа № 14.

После красивых слов шли приятные пожелания. Выражаем надежду, что Вы и впредь будете активно сотрудничать в газете и отдавать мастерство журналиста - общественника.

Редакция газеты «Красная звезда»

Но со временем обстановка в семье изменилась, мы постарели, дети выросли и получали высшее образование в Москве. Хоть у меня и был от железной дороги бесплатный проезд, ездить до Москвы было далеко, тяжело, долго. Мы с мужем решили снова вернуться на север, поближе к детям.

Север

На этот раз мы обосновались в городе Коряжма недалеко от родителей и родни мужа. Плоды труда Клавдия Николаевича в Коряжме были видны повсюду.

Там на берегу большой судоходной реки Вычегды стоял красивый православный храм Николо-Коряжемский монастырь, разрушенный в 30 годы. Прошло много лет. На смену злему року этого храма, к местной власти пришли честные, думающие руководители, отважившиеся на его восстановление.

Потом Клаудию Николаевичу поручили покрыть крыши всех церковных куполов белой, оцинкованной, кровельной жстью. Потом он со своими золотыми руками покрыл жстью крышу школы № -10, в которой учились внуки. Позже в этом храме приняли святое Крещение наши внуки Дмитрий и Илья.

Забегая вперёд, считаю нужным сказать, что Клавдий Николаевич умер, 6 ноября 1991, и в этом храме происходило отпевание усопшего, моего дорогого супруга Клавдия Николаевича Божедомова.

Во время отпевания я не спускала глаз с легкой улыбки на его лице. Мне казалось, что он хотел нам что-то сказать на прощание. Но работники храма закрыли гроб крышкой и отлучили его от этого беспокойного и грешного мира. Воспоминания об этом прощании сопровождают меня все годы моей вдовьей жизни.

Мне трудно сегодня описать трагическую судьбу его родителей Анны Николаевны и Николая Васильевича Божедомовых, но я благодарна им за то, что они приняли меня в свою семью, невзирая на мою поруганную национальность.

Жили мы небогато, но дружно. С радостью и гостеприимно принимали друг друга. Бывали и ссоры, но они нас не разочаровали, потому что мы умели любить, ценить, прощать и просить прощения.

В каждой семье свой мир, свой микроклимат, свой уровень уважения и взаимоотношений. Я часто слышала, как соседские внуки неуважительно обращались к взрослым, например: Баба Катя. Ну, какая она баба? Это бабушка, у нас немцев это любимая Ома.

Во многих неблагополучных семьях родители говорят о детях без любви: Колька, Светка, Васька. Там где муж унижал и бил жену, она его уважительно на Вы не называла. Там друг к другу обращались на ты, и вслед добавляли слова зоологического происхождения.

На Руси издревле муж называл жену «Душа моя», а жена мужа «Свет очей моих» и никакого зоопарка.

В советской России, особенно на севере, во многих семьях, дети обращались к родителям не на ты, а на Вы. Такие же уважительные отношения были и между супругами. В такой семье родители называли друг друга по имени отчеству, а детей ласкательными именами.

С таких семей мы с удовольствием брали пример и подобно строили свои семейные отношения.

По сей день праздник 9 мая для нашей семьи воспринимается, как большой светлый праздник окончания войны. Помнится, как в этот день по улицам, браво вышагивали фронтовики, позвякивая орденами и медалями, двигаясь к обелиску, возведенному на берегу реки Вычегда. Отмечая день Победы, в этих рядах маршировал и мой дорогой супруг Божедомов Клавдий Николаевич! У него было много медалей и Орден Отчественное войны первой степени.

Я хотела заработать стаж, чтобы выйти в 45 лет на раннюю пенсию, поэтому устроилась во вредный для здоровья кислотно-варочный цех котласского целлюлозно-бумажного комбината

Немцем быть очень трудно. С болью и с обидой вспоминается одна женщина, преследовавшая меня, когда я работала во вредном цехе белильных растворов на котласском комбинате.

Несмотря на мою русскую фамилию и мужа фронтовика, без всяких причин эта воинствующая особа, по-хамски обзывала меня всякими грязными словами. Старалась при всех унижить и ужалить побольнее. И только потому, что я немка по-национальности. От таких людей много шрамов зарубцевалось в моей душе.

Хорошо, что образцовую работу российских немцев видело и официально ценило высшее руководство комбината. Зарплату не добавляли, но почётных грамот и приятных слов вроде не жалели:

Ветерану труда ордена Трудового Красного Знамени Котласского целлюлозно-бумажного комбината.

Уважаемая Людмила Ивановна, встречая знаменательную дату в жизни советского народа к 60 летию Великой Октябрьской Социалистической Революции, коллектив Котласских бумажников рапортует о досрочном выполнении обязательств по выработке всех новых видов продукции.

В дело становления и укрепления трудового коллектива, в его прошлые и настоящие успехи была вложена в свое время и большая доля вашего личного труда.

Поздравляем Вас с наступающим праздником, сердечно благодарим Вас за Ваш образцовый труд. Желаем крепкого здоровья на долгие годы, хорошего отдыха и счастье во всём.

Дирекция, партком, завком комбината.

Архангельская область. Поселок Коряжма

6 ноября 1977 года.

Вдохновлённая успехами, я с готовностью взялась за общественное дело и стала участвовать в создании городской любительской киностудии. Придумывала идею фильма, писала сценарий, снимала, проявляла киноплёнки, монтировала фильмы, озвучивала, устраивала премьеры в кинозале дома культуры. Снимала и помогала всем, чем могла.

Почётная грамота.

Награждается Божедоиова Лидия Ивановна за авторство и активную творческую работу в связи с десятилетием любительская киностудия дома культуры Котласского целлюлозно-бумажного комбината.

Пройдет совсем немного времени и мне исполнится 75 лет. Я ещё была полна сил, у меня был ясный ум, грандиозные мысли захлестывали внимание, хотелось еще так много сделать, походить с камерой, уловить и запечатлеть интересные моменты на нашей замечательной планете. Жизнь прекрасна! Всё отлично!

Я не расстаюсь с кинокамерой и добровольно не скажу ей до свидания!

Я просто закрою крышками все её объективы, разряжу кассету с последним относятым материалом, который уже становится историческим, и подарю всё это дорогому зрителю.

Я люблю тебя жизнь! Ты дала мне возможность учиться в народной, многонациональной, общественной школе. В этой школе научили меня терпеливо и внимательно слушать простых людей. Понимать и уважать свой народ. Спасибо всем! Спасибо тебе кинокамера за твой внимательный и зоркий глаз, за твою феноменальную память.

Ещё немного и моя жизнь резко сменит направление, я окажусь в другой, ещё более удивительной стране. На моей исторической родине! До свидания мои друзья!

Прощай, Коряжма!

Русский Север по-своему красив в разные времена года. Север богат множеством судоходных рек впадающих в Белое море. С наступлением весенней поры начинается вскрытие и очищение рек ото льда. С появлением белых ночей все растения соревнуются в своём росте. Всё в цвету, и превращается в неопишную красоту божественного рая на дивной северной земле. Для влюбленного в русский север столько разных наслаждений для сердца, для души, для глаз.

Мы, садоводы, всегда восхищались всеми дивными периодами времени. Много счастливых лет мы с Клавдием Николаевичем снимали с нашего участка богатые урожаи. Кормили себя и других людей.

Но пришла беда, и после тяжелой болезни Клавдий Николаевич преждевременно покинул нас и этот беспокойный мир. Для меня наступило время горького одиночества. Семь лет я продержалась одна, но затем пошатнулось моё здоровье, и силы стали меня покидать. Жизненные передраги в молодости отняли у меня много нервов и сил. Нерушимый союз развалился, как картонный домик, начались новые трудности.

Совершенно случайно, не вдаваясь глубоко в детали, примкнула и я к моим родственникам, которые обиделись на предложение Ельцина, вместо немецкой республики отдать советским немцам военный полигон «Капустин яр»

Как перелётные птицы, российские немцы стали собираться в стаи, чтоб улететь в Германию, в поисках лучшей доли. Помогли мне и те, кто уже жил там.

Прощай, Великая Россия! Прости, что покидаю твою землю, обильно политую моим потом, возделанную моим праведным трудом во имя общего народного блага. Прежде чем вступить на новую землю, нужно оторваться от старой, прежней, дорогой и любимой.

Моя деревушка на берегу Чёрного моря смешалась в памяти с бескрайней сибирской тайгой, с непроходимыми болотами и дремучими лесами, с чёрным подземельем моей шахты.

Я расставалась с северными лесами и перелесками, я рассталась с Казахстаном, где шумела и колосилась золотая пшеница. Я рассталась с бескрайними степями, залитыми ярким солнцем и беспечными трелями жаворонков, с белыми бутонами крымскими хлопком. Я люблю всё это! Простите меня и прощайте!

Эти две Родины переплелись с третьей – северной, что у самого Белого моря. Прощаясь с дорогими местами, я поклялась никогда не вычеркивать из своей памяти этот небольшой северный городок, где прошли самые интересные и радостные годы нашей семейной жизни.

Вспомнила добрым словом городскую, народную киностудию, где нашла единомышленников, одержимых, умных, творческих людей, с которыми, снято было множество документальных фильмов.

Попрощалась со своим приусадебным участком, где всё было построено руками Клавдия Николаевича, на котором мы вместе много лет трудились, радовались каждому саженцу и были счастливы.

Пришла проститься на реку Вычегду с её быстрым течением, причудливыми изгибами и сказочным закатом.

Попросила прощения у всех друзей и подруг, у добрых и отзывчивых людей, у всех, кто был мне родным и близким.

Уезжая, бросила прощальный взгляд на этот маленький уголок моей большой Родины.

Боль расставания разрывала грудь, кровь прилила к вискам. Душа готова было разорваться от любви, страдания и тяжести воспоминаний.

Хотя я и выехала из России по известным всем советским немцам причинам, но я, как и все они, сохранила самые добрые чувства к русскому народу, к его национальной культуре, к самобытности, к доброте и душевности. Я не путаю это с жестоким большевистско-НКВДешным режимом и отдельными выходками идейных карьеристов.

Российские немцы никогда не обвиняли „Россию“ или русский народ, понимая, что русский народ сам был самой большой жертвой большевистского режима.

Переезд на историческую Родину в Германию

В Коряжме у меня было всё необходимое. Голода я не испытывала, хлеба хватало, но меня постоянно мучил духовный голод, голод по своей национальной идентичности, по своим людям, голод по своей христианской вере, по языку, по национальным традициям, по общению со своими и своим врождённым интересам.

Чем старше я становилась, тем больше появлялось желание посетить протестантскую церковь, пообщаться с лютеранами, приобрести новые духовные знания, окунуться в духовную жизнь. Эти набегающие мысли и чувства вселяли в меня уверенность, что этот решающий шаг - правильный

Я честно трудилась, была исполнительная, мой общий трудовой стаж в Советском Союзе составлял 45 лет. В связи с выездом в Германию в последний раз я получила шахтёрскую пенсию в апреле 1998 года.

Мне по тем временам выдали хорошую сумму, которая составляла 437 841 рубль, но пока я с ней доехала до Москвы, произошёл дефолт - обвал денег, сразу пропали последние три цифры, я осталась почти нищей на большой дороге.

Я решительно шагнула в немецкое посольство города Москвы. С разговорной речью проблем не было, я всё понимала и на вопросы отвечала свободно.

Но в душе чувствовала непривычные ощущения, волнение и незнание будущей жизни. Однако старт дан. Теперь дай мне, Господи, ещё раз удачи, мужества, выносливости и терпения!

В „Olimpija-Reisen“ мне выдали бесплатный авиабилет на ближайший рейс. Таким образом, виза на постоянное место жительства вступила в свои полномочия.

В Москве, в аэропорту Шереметьево прощаясь с детьми и внуками, я собрала последние силы и с материнской любовью ласково прижала каждого к себе. Жарко поцеловала их мокрые щёки, по которым стекали прощальные слёзы и с дрожью в коленях ушла на посадку в комфортабельный, немецкий самолёт авиакомпании «Lufthanse».

Глядя через иллюминатор на землю с заоблачной высоты, я вспоминала своё штрафное время: сначала мне запретили верить в своего спасителя и молиться, потом репрессии, я дочь, нет сирота врага народа, поражение в правах, второсортность, депортация, презрение, трудовая армия, оттепель, целина, застой, перестройка, и вот реэмиграция.

У каждого человека внутри существует предел. Предел чувств. Предел боли. Предел слёз. Предел прощения. Предел терпения.

Люди могут очень долго терпеть. Долго молчать. Долго делать выводы. Долго надеяться. А потом вдруг в один миг взять и расстаться без сожаления, без объяснений, без слов.

28 апреля 1998 года авиалайнер из Москвы приземлился в аэропорту Дюссельдорфа в Германии. Я с трепетом в сердце вышла из самолёта, спустилась по трапу на землю, подняла голову и увидела новое небо, новую страну, новую землю, ибо прежнее небо, прежняя земля миновали, и Чёрное море давно уже не плещется перед глазами.

На вокзале приезжих встречали родственники, и произошла радушная, долгожданная встреча.

Я приехала в Германию с 25 килограммовым чемоданом, это было все моё пожизненное состояние, заработанное за всю жизнь мной и всеми моими предками за 200 лет.

Так что я, как и многие немцы России, ничего из страны не увезла, наоборот, всё что имела, всё там оставила.

В первом приёмном лагере, во всех служебных кабинетах производилась тщательная обработка документов и строгий тест на разговорную речь.

На следующем термине мне вручили новые немецкие документы и направили в промежуточный лагерь, находящийся в сельской местности местечка Göttingen - Wilferdingen.

И вот я здесь. Двухэтажный дом для временного проживания поздних переселенцев. Поселили меня на втором этаже, в комнате номер десять.

В доме слышится знакомый разговор, в основном на русском языке, так как все эти люди переселились в Германию из когда-то огромного и нерушимого Советского Союза, которого сейчас нет.

За окном впечатлил красочный, незнакомый мир, который я с увлечением начала для себя открывать. При этом меня поразила отзывчивость и готовность многих местных людей помочь мне.

Скоро я начала ориентироваться на новом месте и в новом обществе и что очень важно, начала понимать, чем живут и как думают местные немцы. А главное сумела полюбить эту загадочную страну, и этот немецкий мир, о котором нам в детстве рассказывали бабушка и наш погибший дедушка.

Весна - рассвет природы. Небо стало голубее и выше. Солнышко светит, не жалея своих лучей. Земля оживает, небеса радуются.

Иду не торопясь по незнакомой улице, любуюсь окружающей меня красотой. Брожу бесцельно, наслаждаюсь жизнью. Возле сберегательной кассы увидела красивые, ажурные, белоснежные скамейки. Присела. Я тут одна. Совсем одна! В этом чудесном райском месте.

Мимо меня бесшумно пролетает много элегантных, легковых машин, за рулем в основном ухоженные дамы самых разных возрастов.

На какой-то миг мысли покинули эту реальность и перенесли меня в далекие края родного Крыма. Я там родилась, там прошло почти два ярких десятилетия моей юной жизни. Та земля тоже по-своему красива и добра, но она пахнет как-то совершенно по-другому.

Я иду дальше по своему сказочному городку. Приближаюсь к огромному зданию красивой евангелической церкви. Обратила внимание на мощные, кованые, железные ворота, покрытые черным лаком. К моему счастью они оказались открытыми.

На территории церкви в ухоженном зеленом массиве расположился некрополь. Множество могил, буквально утопающих в цветах. Видно, люди здесь очень дорожат своими близкими, а мы даже не знаем, где наши предки нашли свой покой.

У могил нигде нет железных оградок. Всё на доверии, всё культурно. Есть красивые мраморные памятники с трогательными надписями. Аккуратные дорожки, выложенные плиткой, увели меня по этой красоте в глубину погоста.

Много разных людей с любовью ухаживают за могилами. Создается впечатление, будто усопший дышит этой райской красотой и непременно от посещений родных и близких оживёт.

Я не могу сидеть у этих могильных холмиков ни в праздничные, ни в поминальные дни. Ни выплакаться, ни выкричаться здесь негде, ибо нет здесь могил моих близких, давно безвинно и преждевременно ушедших не по своей воле из мира сего. Могилы моих близких раскиданы там, по всей территории необъятного государства Российского.

Дед, бабушка, отец, мать, муж, сын, дочь, тесть - все лежат далеко отсюда в земле русской! Здесь у меня нет никого и ничего нет.

Все наши дети родились в Анджерске, все крещённые в православной церкви.

1. Старшая с 24.01.1947 окончила Московский авиационный институт, стала доктором экономических наук.

2. Сын с 24.05.1948 г. окончил Архангельское речное училище, его призвали в советскую армию. Он попал в засекреченный «Семипалатинск - 22», потом их перебросили на остров Даманский. Он много чего видел. После демобилизации женился, у него двое детей, но его здоровье осталось в армии, он стал угасать и погас.

3. Младшая дочь с 02.02.1958 после окончания МГУ нашла себя в журналистике, уже умерла. У меня в России осталось много дорогих могил.

Я здесь одна. Есть только память! Любовь, преданность, надежда. Гуляя по улице, я неожиданно услышала мощный звон церковного колокола, и меня потянуло на звук.

Колокольный звон еще более усиливался и гудел, словно выражая чью-то скорбь и стон. Я почувствовала слабость в ногах, с большим волнением вошла в храм.

В храме стояла могильная тишина. У алтаря на тёмно-бордовой ткани с золотыми буквами выведены слова: "Вечная память убиенным". Священник в строгой чёрной ризе, с белоснежным воротничком, держа в руках Библию неустанно напевал:

-Вечная память жертвам! Вечная память невинно убиенным! Вечная память, вечная память, вечная память!!!

В гробовой тишине зала, до отказа забитого христианами, он твердил эти слова, как заклинания. Раздавались всхлипывания, слышались сдавленные рыдания, у всех на глазах слезы. Не стеснялись слёз даже крепкие мужчины и прошедшие через все круги военного ада дряхлые старики. Каждый вспоминает о своём. Много слёз...

Священнослужитель взмахнул руками призывая всех встать и продолжал затягивать: Хвала тебе о Господи!

В едином порыве все встали на ноги и запели церковное песнопение. Оно звучало так чисто и так самозабвенно, с такими скорбными и вместе с тем с просветленными лицами, что создавалось впечатление, что в этот момент в зале присутствовал сам Христос.

Повсюду царил необъятная любовь Божья. Здесь не было места вражде, ненависти, гордыне. Здесь было множество людей с чистыми сердцами, с земными заботами, радостями, невзгодами, с одинаковым прошлым, с одинаковой нелегкой судьбой.

Покинув святое место, я ещё долго гуляла по окрестностям, знакомилась с местностью и природой.

Вокруг зеленые склоны гор, усеянные ровными рядами виноградных лоз, внизу у подножия блестела сверкающая лента какой-то речушки, в которой отражалось чистое небо.

В голове всплыли щемящие воспоминания о моей Родине, того далекого теперь от меня края у самого Чёрного моря.

Сумерки сгущались, весь мир стал выглядеть по-другому – красиво, сказочно, и я вернулась в лагерь. Под моим окном автоматически включился уличный фонарь.

Снова одна. После легкого ужина взяла в руки газету «Забытый алтарь», прочитала стихи христианской поэтессы Валентины Шмидт:

*Я блуждала в грехах, мирской жизнью жила.
Но Иисус нежно в сердце стучался,
Звал меня он прийти, чтобы душу спасти.
Только мир в меня крепче вбивался.*

*Но пришла я к Нему в день рождение Его,
На колени пред Господом пала.
Слезы горько текли, и уста изрекли:
Ты прости, что так долго блуждала.*

*Своё сердце и жизнь я тебе отдаю,
Чтобы Ты жил в моём сердце со мною.
Свою руку Тебе, как дитя, отдаю,
Чтоб вёл Ты всегда за собою.*

*Я пойду тем путем, что наметил мне Ты,
Как бы крут, многотруден он не был.
Твердо знаю, что Ты не оставишь в пути,
И меня приведёшь прямо в небо!*

Мне показалось, эти стихи про меня. Взяла Библию, как всегда, прочитала в ней очередной отрывок.

Поблагодарила Всевышнего за прожитый день, за здоровье, за терпение, которое Он ежедневно мне дарует. Уставшая от дневной суеты, я легла в кровать, накрылась одеялом и окунулась в ночную тишину.

Снились родные места, далёкое детство, опушки, березы, сосны. Я общалась с друзьями и подругами. С теми, с кем не успела попрощаться наяву, и теперь во сне запросто общалась с ними. Протянула руку, попросила прощения, а вокруг никого нет. Все куда-то исчезли.

Вижу лишь, на голой веточке берёзы висит маленький, одинокий, жёлтый листик. Он машет мне, трепещет, стойко раскачивается на ветру, и ветер не в силах его измотать.

С соседней ветки слетела сорока и, размахивая крыльями, улетает вдаль.

Очнулась на заре от пения птиц и аромата цветущих под окном фруктовых деревьев. Прекрасная погода!

Размышляю о том, как бы не потерять в памяти то хорошее, что я привезла с собой с той стороны, из своей прошлой жизни, которую раньше называли СССР - огромной миражной страны, которой больше нет.

Дай Господи, мне много сил для скорейшей интеграции в это новое для меня общество, в эту незнакомую жизнь, в эту загадочную реальность.

В первую очередь для меня, в моём возрасте, было желание пробудить у себя самой свой интерес к прошлому своего народа, к моему будущему.

Однако на меня очень сильно давит страх и фантомная боль, привезённая оттуда, где всё нельзя. Не положено. Не имеешь права...

Эти комплексы существуют у меня до сих пор, и постоянно создают психологический барьер.

За короткое время моего пребывания в Германии мне посчастливилось разыскать и встретиться со своими местными родственниками.

Договорившись о встрече по телефону, мы поехали на машине в Шварцвальд - чёрный лес. Это изумительный по красоте горный массив на юго-западе Германии, который часто упоминается в сказках братьев Гримм.

Скоро показалась деревня моих предков Egenhausen. Невероятное волнение овладела мной. Я вышла из машины, а асфальт словно плывёт из-под ног.

В это время откуда-то издали донесся колокольный звон. Я заплакала, состояние моё было непонятное, словно душа что-то узнала, а сердце вспомнить не могло.

К нам подошла фрау Пфайфле, с которой мы условились о встрече, и пригласила нас в дом. Она отработала в местной ратуше 30 лет и теперь заведует архивом. Ей 78 лет, она очень хорошо знает историю не только тех, кто родился в селе, но историю российских немцев.

Она пригласила нас к столу, мы помолились, подкрепились, пообщались. Когда я немного успокоилась, гостеприимная хозяйка принесла мне родословную и документы восьми поколений моей семьи - нашей семьи.

Я нашла там всех своих родственников. Видя мой горячий интерес, она предложила сходить в гости к 85 летнему Филиппу Штыкелю, который имеет со мной общие корни. Это встреча оставила глубокий след в моей душе.

-Кто вы? Откуда вы приехали? - нетерпеливо, словно чувствуя родную кровь, спросил меня старик и крепко сжал мою протянутую для приветствия руку в своей. Узнав, что я из России, сразу заинтересовался, как обстоят мои дела?

-Хорошо! Очень хорошо!- ответила я, но дети мои остались там. По щекам старика потекли слезы.

Я тоже не удержалась и заплакала.

Теперь он уже двумя руками крепко держал мою руку, затем прижал мою руку к своей груди, сказал:

- Не плачь! Доверься Богу! Всё будет хорошо!

Это было удивительно, потому что он сказал мне то же самое, что когда-то в детстве говорил мой отец на свидании в Симферопольской тюрьме.

Разве мог он тогда подумать, что я когда-то буду стоять на земле своих прадедов. Я тоже заплакала. Мы чудно общались и обменивались драгоценной информацией. Это было незабываемо, душевно и очень трогательно.

Солнце клонилось закату, когда я уезжала из родного села, я глубоко вздохнула, наслаждаясь вкусом этого замечательного воздуха, которым когда-то дышали мои предки.

9 мая – День окончания войны, у меня зародились свои традиции. В этот день я всегда стараюсь сходить в церковь, помолиться и поставить свечи за упокой тех, кто не дожил до этой даты.

Каждый год в этот день я покупаю огромный букет красных гвоздик. Захожу в свою комнату, закрываю за собой дверь, для того чтобы в этот момент никто меня не потревожил.

Включаю телевизор и, глядя на экран, где показывают торжества, без единого слова, молча оплакиваю своих подруг и друзей, прошедших вместе со мной нелегкий путь в трудовой армии.

Я вспоминаю тех, кто нёс тяжёлую трудовую вахту в тылу, кто умирал от голода, замерзал в мороз, падал без сил на землю, не дожив до победного дня.

Мои горькие слёзы льются на красные гвоздики и как бы зажигают цветы вечным огнём памяти. Во мне полыхают чувства скорби и чувства благодарности вперемешку.

В этот день я всегда вспоминаю того солдата, который привёл меня в карцер и плакал, стоя в дверях.

Вспоминаю того офицера, который не побрезговал моей национальностью, поднял меня с пола и выпустил из карцера.

Я благодарна коменданту Шиловскому из Сольвычегодска, который по-человечески пожалел моих малышей, подав им стакан воды.

Я благодарна администрации города Коряжмы за то, что они поставили памятник из чёрного гранита с золотыми буквами на могилке моего мужа.

Я благодарна председателю городского совета ветеранов Коряжмы Ярыгину Василию Ивановичу и всей группе энтузиастов, которые собрали исторический материал и выпустили книгу памяти. Эту книгу они смогли дружески передать мне в далёкую Германию.

Многим людям я ещё благодарна за человеческие ко мне отношения, за то, что спасали меня от унижений и злодеяний отдельных негодяев.

Дорогие ветераны! Дорогие трудоармейцы! Дорогие работники тыла, постаревшие, ослабевшие, поседевшие. Желаю всем Вам здоровья, счастья, покоя, достатка. Желаю Вам всегда находиться в кругу ваших детей и внуков. Вспоминать влух вашу молодость и ваших друзей.

Желаю видеть ясный взгляд ваших любопытных внуков, почувствовать лёгкое поглаживание ваших седых волос их руками. Пусть в ваших семьях, в Ваших домах, всегда присутствует уют, тепло, любовь и душевный покой! Вы это заслужили!

Хорошо, если бы признали вклад и российских немцев в многовековую историю России.

В Интернете написано, как Вы, Владимир Владимирович, рассказывали про Вашего отца, который во время войны, в блокаду Ленинграда, был на «Невском Пятачке» в небольшом диверсионном отряде НКВД, состоящем из 28 человек, во главе которого был советский гражданин, немец по национальности.

Потом Вам из архива принесли дело на эту группу, и вы убедились, что командиром Вашего отца действительно был советский немец. Все, как рассказывал отец.

А как тепло Вы рассказывали о своей матери, что она была добрым, мягким человеком, что она говорила:

-Ну, какая к этим немцам может быть ненависть? Они простые люди и тоже погибали на войне.

Это поразительно! Все немцев ненавидели, а вот у неё этого почему-то совсем не было.

-Ну что с них взять? Они такие же работяги, как и мы. Просто их гнали на фронт, - говорила Ваша мудрая мама.

Выходит, простые люди обладали большой человечностью, прозорливостью и пониманием жизни.

В музее отечественной войны на поклонной горе в Москве я была свидетелем, как у диорамы «Курская битва» приятный экскурсовод, ветеран войны с наградами, объясняла младшим школьникам, что простых людей, рабочих и крестьян с обеих сторон производили в солдаты и посылали на смерть, не спрашивая их желания.

Во имя высших, чем человеческая жизнь, государственных интересов их лишали жизней с разных сторон.

В этом историческом противоречии советские немцы стали заложниками, лишились родины и попали между молотом и наковальней. Победа сильных, гибель слабых, но мы, слава Богу, выжили!

В Германии воинские захоронения по всей стране находятся в образцово-показательном порядке. У каждого погибшего солдата своя могилка, крест, на нём фамилия, имя, отчество, год рождения и дата гибели, а если это не установлено, то стоит надпись - неизвестный солдат. На каждом кладбище есть книга захоронений, где написано, кто, когда, где похоронен. Везде идеальная чистота и образцовый порядок.

А могилка моего отца не сохранилась, и в настоящее время там находятся произведенные хозяйственные постройки.

Ещё проживая в России, я часто посещала кладбища, пыталась найти хотя бы один дёрном обросший бугорок, где было бы написано: Здесь покоятся безвинно пострадавшие жертвы ГУЛАГа, или здесь покоятся трудармейцы, погибшие на шахтах, на лесоповале, на строительстве заводов и мартеновских печей.

У меня всегда было желание постоять у такого обелиски, возложить цветы и оплакивать своих близких.

У меня и мне подобных, не было и нет такой возможности – возложить памятные цветы, в виду отсутствие таких мест.

Каждый год 28 августа, в день выхода гореносного указа о депортации советских немцев, в Берлине, на площади перед Рейхстагом, проходит многолюдный, траурный митинг.

Я очень благодарна землячеству «Немцев из России», журналу «Народ в пути» за приглашение и организацию посещения этого исторического мероприятия, о котором я мечтала многие годы.

Перед моими глазами всплывают разные кадры из моего фильма личной жизни.

В 12:00 началось открытие многолюдного траурного мероприятия. Митинг начался с молитвы. Пастор сказал меткое и трогательное Божье слово. Затем объявили минуту молчания. Тишина.

Зазвучала тихая, скорбная музыка, пронизывающая людей до глубины души. Мурашки разбегаются по телу, в горле появляется удушающий комок. На лицах собравшихся – скорбь, боль, в глазах слёзы. Каждый помнит о своих.

Кажется, камни зашевелились под ногами. На площади замерло движение. Прохожие останавливаются и скорбят вместе с российскими немцами.

Каждый прикоснулся своим сердцем, своим сознанием, своим сочувствием к тем, кто находится в глубоком трауре. На этом скорбном фоне звучат песни «Ave Maria» «Großer Gott wir lieben Dich».

Выступающие говорили о том, что они пережили. Они вспоминали и все подтверждали: Так было. Их слова звучали как набат!

Я впервые принимала участие в этом печальном мероприятии. Побывав в необычном кругу своих земляков, я приобрела там новых интересных друзей по нашему общему несчастью.

Я увидела другой мир, в котором сохранились уважение, честь, память, жалость, милосердие. Я чувствую, что все, что сохранило наше старшее поколение, мы охотно и с достоинством передаём нашему подрастающему поколению с просьбой.

Пожалуйста, не дайте погаснуть памяти о нашей горемычной истории, о наших погибших предках. Это святой долг каждого честного человека. Это фундамент человечности и достойного будущего. Как вы относитесь к прошлому, так и будущее отнесётся к Вам!

Хорошо бы такое же мероприятие параллельно проводить в России, там, где ещё остались могилы наших великомучеников.

По воскресениям я обязательно посещаю богослужения в нашей церкви. Знакомилась с единовѣрцами, которые с оптимизмом вселяли надежду в мою одинокую, не совсем еще устроенную жизнь.

В церкви я делала доклад и фотовыставку, показывала местным жителям свой видеофильм об истории российских немцев.

Местные немцы реагировали очень активно и заинтересованно. Они много спрашивали и во всѣм старались мне помогать.

Трудно передать словами моё внутреннее чувство на тот момент, когда ключи от моей собственной квартиры оказались в моих руках.

С возрастом, в жизни остается все меньше прекрасных мгновений, которые заставляют по-настоящему восторгаться. И эти ценные мгновения оказались для меня совершенно неожиданными и очень счастливыми.

После того, как я поселилась в уютном доме для сеньоров и сеньорит, я ещё больше полюбила эти немецкие дворички, ухоженные, чистые площади, утопающие в цветах улочки. Теперь всё налажено, у меня есть всё, что надо.

Мне нравятся встречи с моими родственниками, их добрые лица, внимательный взгляд, беседы. Нравится общение с соседями по дому, к которым я могу обратиться по любому вопросу.

Мне нравится мой дом, вид из моего окна, мой образ жизни. Я ни дня не работала в этой стране, а она платит мне пенсию, медицинскую страховку, за мной ухаживает патронажная служба.

Я всю жизнь отработала на Россию, но в Германию свою пенсию я переводить не стала, хотя можно было. Как моей пенсией распоряжаются сейчас в России, и в чей карман она попадает я не знаю.

Я очень благодарна Германии и местным немцам за заботу и высокий уровень жизни. Достойная старость - это дар Божий!

Райнгольд Шульц.

papa-schulz <papa-schulz@gmx.de>

Германия. Гисен.

Начало работы 21.01.2017.

Конец работы 08.05.2023.

PS.: Я очень благодарна ранее не знакомому мне Райнгольду Шульцу, мы никогда воочию не виделись.

Однажды я прочитала его книгу о российских немцах «Перелётные птицы, которая разбередила мою душу, и я решила позвонить автору по телефону, указанному в конце книги. Позвонила.

- Мне надо снять груз с души. Мне надо задать несколько вопросов. Мне очень нужна ваша помощь, хочу, чтобы вы помогли мне напечатать на компьютере моё письмо первому лицу России.

Самой мне, еще раз описать своё прошлое ни глаза, ни руки, ни моё сердце уже не позволяют.

А он не только бескорыстно напечатал каждую букву в этом послании, но и расспросил, уточнил, добавил, всё это литературно обработал и красиво оформил.

Спасибо ему за добрую душу, большой труд, терпение, уважение и умение. Frieda Bozedomova.

ФРГ- BRD

Frieda Bozedomova.

75196 Remchingen.

Тел 07232-37 05 6